

В. П. Поршнев

Императорские городские сады Древнего Рима

В Риме, в начале периода империи, рождается новый тип садов, имевших статус дарения властей римскому народу, или оставшихся в собственности императоров, членов их семей и ближайших друзей, но открытых для посещения и становившихся популярными местами досуга и развлечений свободных римских граждан. Занимая большие территории вокруг исторического (республиканского) ядра города, они просуществовали до самого падения Римской империи, имея ряд стилистических особенностей, отличавших их от загородных садов при римских императорских и частных виллах. Западные искусствоведы применяют по отношению к ним термин «общественные парки». В отечественном искусствознании они не были предметом самостоятельного подробного анализа, который делает автор статьи на основании письменных греческих и латинских источников и немногих сохранившихся архитектурных фрагментов.

Ключевые слова: садово-парковое искусство, Древний Рим, римские императорские городские сады, Нимфей, священная роща, термы

Valeriy P. Porshnev

Imperial gardens of Ancient Rome

In Rome, at the beginning of the empire period, the new type of the gardens which had the status of donation to the authorities to the Roman people, or remaining in the property of emperors, members of their families and the closest friends, but the open for visit and becoming popular places of leisure and entertainments of free Roman citizens is born. Occupying large territories around a historical (republican's) urban core, they existed before the fall of the Roman Empire, having a number of the stylistic features distinguishing them from country gardens at the Roman imperial and private country houses. The Western art critics apply in relation to them the term public parks. In domestic art studies they were not a subject of the independent detailed analysis which is done by the author of this article on the basis of written Greek and Latin sources and the few remained architectural fragments.

Keywords: landscape architecture, Ancient Roma, roman imperial urban gardens, Nymphaeum, sacred grove, thermae

DOI 10.30725/2619-0303-2020-1-69-75

Российские историки садово-паркового искусства, обращаясь к римскому наследию, выделяют три типа садов: при частных городских домах, при загородных виллах и при императорских дворцах [1, с. 13–17]. Первые еще называют дворовыми, внутренними, атриумными или перистильными садами [2, с. 43–46]. Вторые и третьи могут рассматриваться вместе [2, с. 47–54], без разделения на парки при императорских дворцах и парки при дворцах римских аристократов, равно как на городские и пригородные, поскольку и те, и другие, вроде бы, подходят под категории *villa urbana* (городская усадьба) и *villa suburbana* (пригородная усадьба). Наконец, встречается определение «общественные сады Рима», под которыми, однако, подразумеваются небольшие озелененные участки форумов и переданных в общественное пользование портиков, строившихся на императорские или частные пожертвования, а также сады при термах [2, с. 54].

Между тем в Риме имелись сады внушительных размеров, занимавшие чуть ли не целые

городские кварталы. Сады, принадлежавшие императорам, их родственникам и ближайшим друзьям, но открытые для жителей Рима. Именно к ним можно применить определение «общественные». На латыни это звучало бы как *horti populi* или *horti publici*. Основанием является фраза из Завещания Юлия Цезаря: *Populo hortos circa Tiberin publice... legavit* (Сады возле Тибра он завещал народу для общего пользования) [3, р. 112; 4, с. 32].

В англоязычной литературе прилагательное *public* по отношению к рассматриваемому феномену уже получило признание [5, р. 55; 6, р. 75]. Но по-русски термины «публичный» и «общественный» различаются: если первый означает просто открытость, доступность, второй подразумевает право собственности. Поэтому, предпочтительнее именовать их императорскими городскими садами. Цезарь не оговаривает, какой орган власти станет распорядителем его садов. Общим распорядителем всей своей собственности диктатор назначил частное лицо – Марка Антония, который похитил часть статуй (*signa*)

и картин (*tabulae*), завещанных народу вместе с садами [7, p. 525; 8, с. 317]. Аппиан пишет: сады «...предоставлялись народу для прогулок» [9, с. 443]. Так на русский язык переведена фраза: *tōi dēmōi de ēsan endiaitēma hoi kēpoi dedomenoi* [10, p. 490]. Ключевое значение переведенного как «прогулка» слова *endiaitēma* – жилье, жилище – в данном контексте явно означает «временное проживание», т. е., говорится лишь о праве народа гулять в садах. Дион Кассий выражается более определенно: *mathōn ho dēmos hoti... kai proseti kai dōreas allois tēi tinas kai te polei tous te kēpous tous para ton Tiberin* (народ узнали, что... сверх прочего, городу передаются в дар сады за Тибром) [11, p. 366]. В последующей войне за власть права на наследство переходят к Октавиану Августу. И не только на наследство Цезаря. Став единоличным правителем, Август получил полномочия распоряжаться всем достоянием римского народа.

Сады Лукулла при императоре Клавдии были владением его приближенного Децима Валерия Азиатика, который затратил огромные средства, доведя сады до поразительного великолепия [12, с. 179]. Это вызвало зависть супруги императора – Мессалины, завладевшей садами после опалы и самоубийства Азиатика. В дальнейшем сады стали доступны горожанам, как свидетельствует Плутарх, ставя их в ряду самых великолепных императорских садов [13, с. 579]. Сады Помпея, после его гибели, перешли к Цезарю, затем к Марку Антонию [8, с. 317; 9, с. 456], а с 30 г. до н. э. стали императорским владением и частью большого парка, разбитого на Марсовом поле, вместе с садами друга Октавиана Августа – Агриппы, которыми тот завещал распорядиться императору во благо народа (*ton dēmon euergesiāis prosepoiēsato*) [15, p. 358]. Меценат открыл свои сады для горожан по личной просьбе Августа. После его кончины сады становятся императорской собственностью [4, с. 83], так же как сады Саллюстия [14, p. 278]. Есть свидетельство их открытости, так называемое Первое послание Сенеки апостолу Павлу. Оно признается подложным, но неизвестный автор-импровизатор отражает бытовые реалии императорского Рима. Направившись с учениками в Саллюстиевы сады, Сенека встречает там учеников Павла (*hi de quibus dixi visis nobis adiuncti sunt*) и между ними завязывается беседа [15, p. 124]. Сады Азиния Поллиона, скончавшегося ок. 5 г. н. э., стали предметом особой заботы Октавиана Августа, распорядившегося провести к ним подземный акведук [16, p. 362]. Позже они были частью грандиозного комплекса терм Каракаллы.

В правление Гая Калигулы сады Мецената составили один парковый комплекс с садами

Ламии (прежний владелец – Луций Ламия, приближенный императора Тиберия, скончавшийся в 33 г., завещал их Тиберию). Калигула не проживал там постоянно, но останавливался на несколько дней, выслушивал зрителей обоих садов, а в 39 г. распорядился впустить туда всех желающих, устроив зрелище из суда над прибывшими из Александрии евреями во главе с Филоном Александрийским [17, p. 184]. В 49 г. сады были расширены за счет владений супруги Калигулы Паулины Лоллии (*Horti Lolliani*) на северном склоне Эсквилина. На восточном склоне строится императорский дворец (*Sessorium* – букв. «Обитель»), начатый при Септимию Севере и заверченный при Элагабале. При нем же были присоединены сады при храме Древней Надежды (*horti Spei Veteris*) [18, p. 132] и расположенные рядом сады семейства Вариев (*Horti Variani*), а для народа построили амфитеатр. Последнее приобретение – сады Лициниев, унаследованные императором Галлиеном, потомком этого древнего рода. Они также занимали восточный склон Эсквилина и стали называться, соответственно, садами Галлиена.

Сообщая о садах императора Коммода, Элий Спартиан пишет о садовом портике изогнутой формы (*porticus curva*) с мозаичным изображением процессии в честь Исиды [19, p. 442]. Поскольку Коммод был поклонником Исиды и всячески содействовал распространению ее культа в Риме, можно предположить, что мозаика создавалась для всеобщего обозрения, следовательно – полагала открытость садов.

Из большого списка римских садов [20, p. 196–204] мы выделили вышеречисленные, претендующие на то, чтобы именоваться публичными (*horti publici*). Они по периметру охватывали пространство, ограниченное руинами стен Сервия Туллия, которые уже давно не были городской границей [21, p. 87]. К ним можно добавить загородные сады Агриппины (матери Калигулы) и Домиции (супруги Домициана). Они располагались за Тибром, но вплотную к городу, связанные с ним хорошими дорогами и мостами. Калигула начал там строительство цирка, завершено при Нероне. При Адриане был построен стадион для навмахий (морских боев). Следовательно – и эти императорские владения были доступны народу.

Спорный момент, можно ли называть публичными сады Палатина, главной императорской резиденции? Там сохранялись роца Ромула и Рема, священный грот (*Lupercal*) и жертвенник Пану. Плюс святилища Кибелы и Виктории. К святыням народ допускали в дни религиозных праздников. Общедоступным был священный участок храма Аполлона Палатинского, бывшего

Императорские городские сады Древнего Рима

не только культовым, но и культурным центром Рима, благодаря его библиотекам. Кроме того, с юго-восточной стороны к храму примыкал стадион (stadium Palatinum). Когда Август построил на холме первый императорский дворец, первоначально вокруг него планировалась общая парковая зона. Когда монархическая власть еще рядилась в республиканские одежды, не только простота жилища семьи Августа, но и доступность императорских садов должна была подчеркивать единение власти и народа. Но позже появляются роскошные дворцы Тиберия, Домициана, Септимия Севера. Единый зеленый массив оказался расчлененным на отдельные участки [22, с. 98], превратившиеся в атриумные сады. Обособленным парком, после строительства дворца Септимия Севера, стал восточный склон Палатина. Народу было доступно для любования одно из его сооружений – Септизоний, семиярусный Нимфей, украшенный мраморными колоннадами и статуями. Но он находился у подножья холма, обращенный не к дворцу, а к городу. Следовательно, чтобы полюбоваться каскадом фонтанов, заходить в императорские сады было не нужно.

Этот дорогостоящий памятник, от которого остались небольшие фрагменты и его изображения на гравюрах XVI столетия (сам он был разобран в 1580-е гг.), показывает, как забота о досуге горожан отступает на второй план по сравнению с желанием продемонстрировать престиж и могущество монархического государства. Ранее эта тенденция проявилась в грандиозном проекте Нерона, пожелавшего превратить центр Рима в единую парковую зону, площадь которой должна была составлять от ста до двухсот акров [23, р. 82]. Она вобрала бы в себя пространство между Эсквилином, где начали сооружать Золотой дом Нерона, и Палатином, поглотив их полностью и объединившись с садами Мецената. Публичной частью должна была стать лощина между Эсквилином и Палатином. После гибели Нерона строительство прекратилось.

Римские сады, с точки зрения планировки и оформления, не были абсолютной инновацией. Образцом для римлян служили царские сады в Александрии Египетской. Лукулл посетил Александрию с дипломатической миссией в 87 г. до н. э. и прожил в городе всю зиму в одном из царских дворцов [13, с. 550–551]. Цезарь и Август имели возможность познакомиться с садами, соответственно, в 48/47 и в 30 г. до н. э. Сады располагались южнее дворцовых зданий, занимавших набережную, поделенные аллеями на правильные квадраты, что позволяло оформить отдельные участки, варьируя регулярную

и пейзажную планировки. Пейзажная подходила для святилища Пана, построенного в виде искусственной горы, окруженной имитацией священной рощи. Другие участки, наоборот, отличались затейливой стрижкой деревьев и кустарников. Царские садоводы щедро насыщали ландшафт водоемами, каналами, отдельными фонтанами и Нимфеями, мраморной и терракотовой скульптурой [23, с. 26–29].

Лукулл, заложивший сады в Риме ок. 60 г. до н. э. и, одновременно, обустроивший свои загородные виллы, везде устраивал места для прогулок, купальни, каналы, рыбные садки, искусственные холмы [13, с. 579]. Цезарь готовил свою усадьбу для встречи Клеопатры и, конечно, желал, чтобы царица узнала в садах на Тибре александрийские мотивы. Август инициировал реконструкцию Марсова поля, объединив парковую зону со своим Мавзолеем (Сады Птолемея соседствовали с Семой – гробницей Александра Македонского). Адриан построил себе Мавзолей (нынешний замок Св. Ангела) на территории садов Домиции-Агриппины.

Стиль городских императорских садов был основан на том же принципе сочетания пейзажных и регулярных мотивов, но отличался обустроенным холмистой местностью использованием больших искусственных террас, более сложными инженерными приспособлениями, в частности – подачей воды при помощи арочных и подземных акведуков, более изощренной стрижкой деревьев и кустарников, преобладанием коринфского и композитных ордеров в садовых постройках и портиках.

Пространство садов включало как сравнительно ровные участки (лощины между холмами и их плоские вершины), так и склоны, которые срезались террасами. Следы таких террас, опирающихся на мощные аркады, хранит холм, примыкающий к садам Лукулла (Collis Hortulorum, позже -Mons Pincius). Довольно высокий правый берег Тибра над затопляемой в паводки поймой реки, позволял создать в садах Цезаря террасу, с которой открывался вид на город. Перед Золотым домом Нерона терраса, укрепленная камнем, позволяла любоваться форумами, Палатином и нижней частью задуманного парка, предназначенной для народа. Меценат распорядился насыпать террасу (в оригинале: *agger arcticus* – солнечная насыпь; значит, там не было высоких деревьев, но лишь газоны и цветочные клумбы) [24, с. 232] над прежде нездоровой местностью со старым неухоженным кладбищем, оздоровив ее и открыв для гуляний.

Пейзажные части – это, прежде всего, территории, примыкавшие к святилищам. За ними осталось наименование: священная роща

(nemus sacer). Старейшей была роща у подножья Палатина, раз в год становившаяся ареной празднеств (Луперкалий). В садах Мецената был священный участок Приапа, бога-хранителя садов. Его деревянная статуя стояла в роще, где во времена Горация росли еще очень молодые деревья [24, с. 232]. Священной рощей, несомненно, оставались сады храма Древней Надежды. В садах Саллюстия таковыми были окружения святилищ Венеры, носившей титул Венеры Садов (Venus Hortorum) [21, р. 202], и лесного бога Сильвана [20, р. 490].

Другой причиной имитации природы было желание удивить и восхитить посетителей садов, тех, у кого не было поместий за пределами Рима, и потому редко покидавших город. Природа вызывала у них не меньший интерес, чем сложная геометрия подстриженных деревьев и кустов. Об этом пишет Тацит, рассказывая об оставшихся незавершенными садах Нерона, где зрители восхищались не столько драгоценной отделкой дворца принцепса, сколько «...лугами, прудами, разбросанными словно в сельском уединении, тут лесами, там пустошами, с которых открывались далекие виды» [12, с. 297]. Светоний подчеркивает, что нероновы сады включали «... поля, пестреющие пашнями, пастбищами, лесами и виноградниками, и на них – множество домашней скотины и диких зверей» [4, с. 159].

Сакральную функцию сохраняли Нимфеи, бывшие не простыми каскадами фонтанов, но святилищами нимф, где звуки воды казались голосами богинь, беседующих со смертными. Помимо Септизория, известные фрагменты Нимфея на стыке границ садов Мецената и садов Лициниев. Руины Нимфея со стенами, декорированными морскими раковинами, были обнаружены возле базилики Константина [20, р. 169], там, где предполагалась публичная часть садов Нерона. Безымянный хронограф ок. 354 г. упоминает три Нимфея, воздвигнутых по повелению Диоклетиана и Максимиана, в числе общественных сооружений Рима (operae publicae fabricatae) [26, р. 148]. Другой источник [27, р. 561] локализует три Нимфея на территории XIII региона Рима. Это мог быть фонтанный комплекс рядом с термами Деция на Авентине. Как и другие римские термы, они имели зеленую зону вокруг строений. Нимфей Юпитера (Nymphaeum Jovis), упомянутый в этом же тексте при перечне памятников VII региона, скорее всего, был на одной из террас садов Лукулла.

Развитая сеть акведуков, подававших воду в изобилии, позволила не только обеспечивать бесперебойную работу фонтанов, но и создать сложную систему водоемов. Они могли быть купальнями при термах и без них. Галлиен, унас-

ледовав Лициниевы сады, устраивал там пиры и купания (convivia et natationes), приглашая не только придворных и чиновников, но также множество женщин, как красивых, так и некрасивых [28, р. 52].

За исключением Палатина, бывшего постоянной резиденцией императоров, прочие сады служили им лишь для временного пребывания. Это, с одной стороны, и обусловило публичность, открытость садов, с другой – более скромный вид их дворцовых зданий. Римские термы намного превосходили их в размерах и роскоши (опять-таки, исключая дворцы Палатина). Самые большие парковые зоны имели термы Траяна, построенные на месте Золотого дома Нерона с сохранением части садов, термы Каракаллы, занявшие примерно половину площади бывших садов Азиния Поллиона и термы Диоклетиана, построенные на территории садов Лоллиев. Подчеркнем, что термы строились уже после того, как на их местах были разбиты городские сады, поэтому, если они и приобрели какие-то специфические черты, это стало результатом более поздних обновлений.

При термах были библиотеки, но для них не строили отдельных зданий. Напротив, таковое было в садах Лукулла [13, с. 580].

Для интеллектуального общения Меценат возвел в своих садах Аудиторий – залу для встреч и бесед. В наши дни это развалины, утратившие мраморную облицовку и купол. Когда-то в главном зале бил фонтан, в нишах стояли статуи философов и поэтов.

Источники многократно упоминают прогулочные галереи, иногда с изгибами [18, р. 442], иногда невероятных размеров: в садах Нерона тройной портик, обрамлявший пруд «подобный морю», был длиной в римскую милю [4, с. 159]. Император Аврелиан построил в садах Саллюстия, где он любил проводить время, портик, обрамлявший площадку для конных тренировок (porticus miliarensis) [29, р. 290], хотя чаще портики использовались для прогулок и бесед. Там же размещались коллекции картин и статуй.

В садах Мецената находилась башня со смотровой площадкой, откуда можно было любоваться видами Рима [4, с. 164]. В садах Саллюстия Октавиан Август велел установить египетский обелиск (Obeliscus Sallustianus) [30, с. 121]. Еще два обелиска, вывезенные из Египта в качестве трофеев римского народа, были поставлены перед его Мавзолеем на Марсовом поле. Калигула распорядился воздвигнуть подобный же обелиск в садах Агриппины-Домиции (ныне он стоит перед собором Св. Петра).

Наиболее удобные для обозрения места заняли колоссальные статуи императоров. Много-

метровая фигура Августа занимала обсаженную кипарисами вершину его Мавзолея на Марсовом поле. Колосс Нерона перед Золотым домом был высотой в 120 римских футов (более 30 метров) [4, с. 159]. Статуя Коммода в садах Ламии (ныне – экспонат Капитолийских музеев) изображала императора в образе Геркулеса. Галлиену хотели поставить статую на вершине Эсквилина, превосходящую Колосса Родосского, но император был убит раньше, чем затею воплотили в жизнь [28, р. 54].

В сады при римских виллах можно было попасть только через открытый парадный двор. Затем, войдя в усадебный дом, нужно было еще пройти через вестибюль и атриум. Городские императорские сады имели внешние парадные ворота. На месте ворот у подножья Эсквилина, где начинался подъем к Золотому дому, теперь стоит их современная имитация. При входе в доставшиеся Калигуле сады Ламии красовалась надпись свидетельствующая, что отныне это императорская собственность (*successo Caesaris*) [31, p. 1154, Nr. 8668]. В сады Галлиена входили через старые ворота в стене Сервия Туллия. Их перестроили в виде триумфальной арки, снабдив почитательной надписью: *Gallieni clementissimi principe cuius invicta virtus sola pietate superata est* (Галлиену, всемилостивейшему принцепсу, чью непреклонную волю превосходит только его благочестие) [32, p. 229, Nr. 1106].

Флора императорских городских садов вряд ли претерпела большие изменения по сравнению с усадебными садами. К традиционному набору (пинии, кипарисы, платаны, серебристые тополя, плющ, самшит, акации, липы) императорские садоводы добавили пальмы и миртовые деревья, привозимые из африканских провинций. Для Нерона из Киренаики доставляли киренский сильфий, в то время уже почти исчезнувший из-за хищнических вырубок [33, p. 444].

Главным общественным парком столицы, благодаря заботам Октавиана Августа, становится Марсово поле. Ядром его зеленой зоны были унаследованные принцепсом сады Агриппы, окружавшие термы, еще не столь роскошные, как термы следующих столетий; к ним, позднее, примкнули стадион Домициана и Одеон. Отсюда она распространялась на север, за Мавзолей Августа, построенный в виде земляного кургана на каменном основании, обсаженного рядами кипарисов, с египетскими обелисками перед входом и статуей императора на вершине. Выстроив Мавзолей еще при жизни, Август: «... отдал в пользование народу окрестные рощи и места для прогулок» [4, с. 75]. Место кремации

тела Августа было отмечено рощей черных тополей. Страбон, описывая Марсово поле вскоре после 14 г. н. э., отмечает единение природной и искусственной красоты, делающее пейзаж подобием театральной декорации [34, с. 220]. Холмы над рекой, обширные ухоженные луга (*to edafos roazon*, в русском переводе – газоны) и рощи (*alsè*, в русском переводе – парки) дополнили портики, спортивные площадки и беговые дорожки, где римляне занимались борьбой, игрой в мяч, конными состязаниями. За Мавзолеем начинался самый большой парк с прогулочными галереями (*peripatoi*, в русском переводе – аллеи) [35, p. 324]. Зеленое окружение имел воздвигнутый неподалеку Алтарь мира (*Ara Pacis*).

Последнее крупное сооружение Рима, связанное с паркостроением – термы Константина на Квиринале. Их украсили пятиметровые статуи Диоскуров (теперь на Пьяцца дель Квиринале). Зеленая зона, окружавшая здание овалом, сильно уступала по площади даже той, что была при самых ранних термах Агриппы. Здесь стояли статуи Константина и его сына Константа, кроме того, было несколько бронзовых реплик работ греческих скульпторов [20, p. 526].

Следующее столетие императорские городские сады постепенно приходили в упадок. Сегодня на месте садов Лукулла находятся усадебные парки Медичи и Боргезе. Папские сады Ватикана заняли всю территорию садов Агриппины-Домиции. Руины Золотого дома Нерона и терм Траяна стали частью заповедной парковой зоны Эсквилина.

Список литературы

1. Ожегов С. С. История ландшафтной архитектуры. Москва: Архитектура-С, 2004. 231 с.
2. Дормидонтова В. В. История садово-парковых стилей. Москва: Архитектура-С, 2004. 208 с.
3. Suetonius. *Vita Caesarum*. London: W. Heinemann; Cambridge: Harvard Univ. Press, 1959. Vol. 1. 497 p.
4. Светоний. Жизнь двенадцати цезарей / пер. с лат. М. Л. Гаспарова. Москва: Наука, 1964. 376 с.
5. Bowe P. *Gardens of the Roman World*. Los Angeles: Paul Getty Museum, 2004. 176 p.
6. Wood S. *Horti in the City of Rome: emulation and transcendence in the Late Republic and Early Empire* // *Proceedings of the Nineteenth annual theoretical Roman archaeology conference* / ed.: A. Moore, G. Taylor, E. Harris, P. Girdwood, L. Shipley. Oxford: Oxbow Books, 2010. P. 75–90.
7. Cicero. *Philippicarum liber II* // *Cicero. Orationes* / ed. by G. Long. London: Whittaker and Co, 1858. Vol. 4. P. 478–530. Repr.: Charleston (SC): Nabu Press, 2010.
8. Цицерон. Вторая филиппика против Марка Антония / пер. с лат. В. О. Горенштейна // Цицерон. Речи. Москва. Изд.-во АН СССР, 1962. Т. 2. С. 285–319.

9. Аппиан. Римская история / пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева. Москва: Наука, 1998. 726 с.
10. Appian's Roman History. Cambridge: Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann, 1964. Vol. 3. 567 p.
11. Dio's Roman History: in 9 vols: with an Engl. transl. London: W. Heinemann; New York: The Macmillan CO, 1916. Vol. 4, lib. 41–45. 524 p.
12. Тацит. Сочинения: в 2 т. / пер. с лат. А. С. Бобовича. Москва: Науч.-издат. центр Ладомир, 1993. Т. 1. Анналы. Малые произведения. 444 с.
13. Плутарх. Лукулл / пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. Москва: Наука, 1994. Т. 1. С. 549–584.
14. Dio's Roman History: in 9 vols: with an Engl. transl. London: W. Heinemann; New York: The Macmillan CO, 1955. Vol. 6, lib. 51–55. 492 p.
15. Epistolae Senecae ad Paulum et Pauli ad Senecam «quae vocantur» / ed. C. W. Barlow. New York: Amer. acad. in Rome, 1938. 164 p. (Papers et Monographs of the American Academy in Rome; vol. 10).
16. Frontinus. The Strategems and the Aqueducts of Rome / with an Engl. transl. by C. E. Bennett. London: W. Heinemann; New York: G. P. Putmans Sons, 1925. 484 p.
17. Philo Alexandrinus. Legatio ad Gaium // Philonis Alexandrini opera quae supersunt. Berlin: G. Reimeri, 1925. Vol. 6. P. 121–147.
18. Aelius Lampridius. Antoninus Heliogabalus // The Scriptores Historiae Augustae / with an Engl. transl. D. Magie. Cambridge: Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann, 1993. Vol. 2. P. 104–177.
19. Julius Capitolinus. Marcus Antoninus // The Scriptores Historiae Augustae: with an Engl. transl. Cambridge: Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann Ltd, 1991. Vol. 1. P. 431–459.
20. Richardson L. A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. Baltimore: John Hopkins Univ. Press, 1995. XXXIV, 458 p.
21. Liverani P. I giardini imperiali di Roma // Il giardino antico da Babilonia a Roma. Scienza, arte e natura: (cat. della mostra, Firenze, Limonaia del Giardino di Boboli 8 magg. – 28 ott. 2007). Firenze, 2007. P. 86–97.
22. Bernard A. Am Birnbaum. Gärten und Parks im antiken Rom, in den Vesuvstädten und Ostia. Mainz: Verl. Philipp von Zabern, 1996. 159 S.
23. Поршнев В. П. Садово-парковое искусство птолемеевского Египта // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 2 (31). С. 26–29.
24. Гораций. Сатиры. Кн. 1, 8 // Гораций. Полное собрание сочинений / пер. с лат. Ф. А. Петровского. Москва; Ленинград: Academia, 1936. С. 232.
25. Horatius. Satyrarum. Lib. 1, 8 // Q. Horatii Flacci opera omnia. Oxonii: J. Parker et Soc., 1867. P. 139.
26. Chronographus anni CCCLIII // Monumenta Hermanniae historica. Auctorum antiquissimorum. Berolini: Berolini Apud Weidmannos, 1892. T. 9, vol. 1. S. 13–196.
27. Discriptio XIII regionum urbis Romae // Topographie der Stadt Rom in Altertum von H. Jordan. Berlin: Weidmannsche Buchh., 1871. Bd 2. S. 539–574.
28. Tribellius Pollio. Gallieni duo // The Scriptores Historiae Augustae: with an Engl. transl. Cambridge: Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann Ltd, 1998. Vol. 3. P. 16–62.
29. Flavius Vopiscus. Divinus Aurelianus // The Scriptores Historiae Augustae: with an Engl. transl. Cambridge: Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann Ltd, 1998. Vol. 3. P. 192–293.
30. Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. 2-е изд. Санкт-Петербург: Алетейя, 1996. 576 с.
31. Corpus inscriptionum Laninarum. Berolini: Apud G. Reimer, 1882. Vol. 6, p. 2. VIII, 1746 p.
32. Corpus inscriptionum Laninarum. Berolini: Apud G. Reimer, 1876. Vol. 6, p. 1. LXVI, 873 p.
33. Pliny. Natural History: with an Engl. transl. Cambridge: Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann Ltd, 1961. Vol. 5, lib. 17–19. 544 p.
34. Страбон. География / пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского. Москва: Науч.-изд. центр Ладомир, 1994. 944 с.
35. Strabonis Geographica / rec. A. Meineke. Lipsiae: Sumptibus et typis B. G. Teubneri, 1877. Vol. 1, lib. 1–6. XII, 396 p.

References

1. Ozhegov S. S. History of landscape architecture. Moscow: Architecture-S, 2004. 231 (in Russ.).
2. Dormidontova V. V. History of garden's design. Moscow: Architecture-S, 2004. 208 (in Russ.).
3. Suetonius. Vita Caesarum. London: W. Heinemann; Cambridge: Harvard Univ. Press, 1959. 1, 497.
4. Svetonius, Gasparov M. L. (transl.). The Twelve Caesars. Moscow: Nauka, 1964. 376 (in Russ.).
5. Bowe P. Gardens of the Roman world. Los Angeles: Paul Getty Museum, 2004. 176 p.
6. Wood S. Horti in the City of Rome: Emulation and Transcendence in the Late Republic and Early Empire. *Proceedings of the Nineteenth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference* / ed.: A. Moore, G. Taylor, E. Harris, P. Girdwood, L. Shipley. Oxford: Oxbow Books, 2010. 75–90.
7. Cicero. Philippicarum liber II. *Cicero. Orationes* / ed. by G. Long. London: Whittaker and C°, 1858. 4, 478–530. Repr.: Charleston (SC): Nabu Press, 2010.
8. Cicero, Gorenstein V. O. (transl.). The second philippic against Mark Antony // *Cicero. Speeches*. Moscow: Acad. of Sciences publ. house, 1962. 2, 285–319 (in Russ.).
9. Appian, Kondratiev S. P. (transl.). Roman history. Moscow: Nauka, 1998. 726 (in Russ.).
10. Appian's Roman History. Cambridge: Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann, 1964. 3, 567.
11. Dio's Roman History: in 9 vols: with an Engl. transl. London: W. Heinemann; New York: The Macmillan CO, 1916. 4, lib. 41–45, 524.
12. Tacitus, Bobovich A. S. (transl.). Works: in 2 vols. Moscow: Sci.-publ. house Lodomir, 1993. 1: Annals. Small works, 444 (in Russ.).

13. Plutarchus, Averintsev S. S. (transl.). Lucullus. *Plutarchus. Lives*: in 2 vols. Moscow: Nauka, 1994. 1, 549–584 (in Russ.).
14. Dio's Roman History: in 9 vols: with an Engl. transl. London: W. Heinemann; New York: The Macmillan CO, 1955. 6, lib. 51–55, 492.
15. Barlow C. W. (ed.). Epistolae Senecae ad Paulum et Pauli ad Senecam «quae vocantur». *Papers et Monographs of the American Academy in Rome*. New York: Amer. Acad. in Rome, 1938. X, 164.
16. Frontinus, Bennett C. E. (transl.). The Strategems and the Aqueducts of Rome. London: W. Heinemann; New York: G. P. Putmans Sons, 1925. 484.
17. Philo Alexandrinus. Legatio ad Gaium. *Philonis Alexandrini opera quae supersunt*. Berlin: G. Reimeri, 1925. 6, 121–147.
18. Aelius Lampridius. Antoninus Heliogabalus. *The Scriptores Historiae Augustae* / with an Engl. transl. D. Magie. Cambridge: Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann, 1993. 2, 104–177.
19. Julius Capitolinus. Marcus Antoninus. *The Scriptores Historiae Augustae*: with an Engl. transl. Cambridge: Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann Ltd, 1991. 1, 431–459.
20. Richardson L. A new topographical dictionary of Ancient Rome. Baltimore: John Hopkins Univ. Press, 1995. XXXIV, 458.
21. Liverani P. I giardini imperiali di Roma. *Il giardino antico da Babilonia a Roma. Scienza, arte e natura*: (cat. della mostra, Firenze, Limonaia del Giardino di Boboli 8 magg. – 28 ott. 2007). Firenze, 2007. 86–97.
22. Bernard A. Am Birnbaum. Gärten und Papks im antiken Rom, in den Vesuvstädten und Ostia. Mainz: Verl. Filipp von Zabern, 1996. 159 S.
23. Porshnev V. P. Landscape Art in Ptolemy Egypt. *Bulletin of Saint-Petersburg State University of Culture and Sciences*. 2017. 2 (31), 26–29.
24. Horatius Flaccus. Satyrarum. Lib. 1, 8. *Horatius. The complete works* / transl. to Russ. by F. A. Petrovsky. Moscow; Leningrad: Academia, 1936. 232. (in Russ.).
25. Horatius. Satyrarum. Lib. 1, 8. Q. *Horatii Flacci opera omnia*. Oxonii: J. Parker et Soc., 1867. P. 139.
26. Chronographus anni CCCLIII. *Monumenta Germaniae historica. Auctorum antiquissimorum*. Berolini: Berolini Apud Weidmannos, 1892. 9 (1), 13–196.
27. Discriptio XIII regionum urbis Romae. *Topographie der Stadt Rom in Altertum von H. Jordan*. Berlin: Weidmannsche Buchh., 1871. 2, 539–574.
28. Tribellius Pollio. Gallieni duo. *The Scriptores Historiae Augustae*: with an Engl. transl. Cambridge: Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann Ltd, 1998. 3, 16–62.
29. Flavius Vopiscus. Divinus Aurelianus. *The Scriptores Historiae Augustae*: with an Engl. transl. Cambridge: Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann Ltd, 1998. 3, 192–293.
30. Kulakovskiy J. A. (transl.), Sonny A. I. (transl.). Ammianus Marcellinus. Roman history. Saint-Petersburg. Aletheia, 1996. 576 (in Russ.).
31. Corpus inscriptionum Laninarum. Berolini: Apud G. Reimer, 1882. 6, p. 2. VII, 1746.
32. Corpus inscriptionum Laninarum. Berolini: Apud G. Reimer, 1876. 6, p. 1. LXVI, 873.
33. Pliny. Natural History: with an Engl. transl. Cambridge: Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann Ltd, 1961. 5, lib. 17–19. 544.
34. Strabon, Stratanovsky G. A. (transl.). Geographica. Moscow: Sci.-publ. house Ladomir. 1994. 944 (in Russ.).
35. Strabonis, Meineke A. (res.). Geographica. Lipsiae: Sumptibus et typis B. G. Teubneri, 1877. 1, lib. 1–6. XII, 396.